

НАВСТРѢЧУ ПОЖЕЛАНІЯМЪ.

(Отвѣтъ г. А. Дмитревскому).

Въ статьѣ ¹⁾: «Да, воинъ безъ страха и упрека достижимый идеаль» — г. Дмитревскій, возражая на мою статью ²⁾, выражаетъ пожеланіе, чтобы я далъ отвѣтъ на поставленные имъ вопросы, ибо «возраженія мои, говоритъ онъ, имѣютъ единственную цѣль, единственное побужденіе по возможности научно выяснитъ вопросъ о страхѣ».

Будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что взаимный обмѣнъ мнѣній, безъ нападокъ на личности, расширяя вопросъ и разсматривая его съ разныхъ сторонъ, служить къ выясненію истины, я охотно иду навстрѣчу пожеланіямъ г. Дмитревскаго.

Первой причиною взаимнаго непониманія нѣкоторыхъ данныхъ по военной психологіи послужила моя статья ³⁾: «За и противъ военной психологіи», ибо нѣкоторыя мѣста въ этой статьѣ, говоритъ г. Дмитревскій, прямо противоположны выводамъ психологіи и могутъ зародитъ не только нежелательное, но прямо таки опасное направленіе въ воспитаніи бойца и арміи». Опасное направленіе выразилось, главнымъ образомъ, въ томъ, что мною было сказано: «тотъ изъ бойцовъ, который потерялъ страхъ, тотъ на войнѣ не

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1913 г., № 6.

²⁾ «Воины, потерявшіе страхъ». — «Военный Сборникъ» 1913 г., № 3.

³⁾ «Военный Сборникъ» 1911 г., № 8.

боится смерти... У такого воина нѣтъ страха ни предъ смертью, ни предъ людьми, ни передъ родиной, ни передъ Богомъ. Развѣ намъ нуженъ такой воинъ?»

Г. Дмитревскій не согласился съ этимъ, говоря, что г. Ш—ъ глубоко ошибается... «Да, воинъ безъ страха былъ бы идеаломъ... Причемъ, теряя это, относящееся къ низшему психизму, чувство, этимъ самымъ еще болѣе усиливалось бы высшее чувство чело-вѣка—чувство долга или совѣсти». «Но достиженіе такого идеала, т.-е. потеря страха въ бойцахъ вещь невозможная...»

Въ моей отвѣтной статьѣ—«Воинъ потерявшій страхъ»—я привелъ изъ жизни на войнѣ случаи полной *потери* страха и, слѣдовательно, оказалось, что потеря страха вещь не невозможная; но, подобный воинъ безъ страха, понятно, не есть желательный идеалъ. Пбо, съ потерей страха, усиленія высшихъ чувствъ—долга или совѣсти—не наблюдается. «Когда мы имѣемъ налицо потерю низшихъ чувствованій, высшія чувствованія являются уже потерянными».

Въ статьѣ: «Воинъ безъ страха и упрека достижимый идеалъ» г. Дмитревскій видимо не убѣдился нашими доводами, говоря, что «всѣ ненормальности не могутъ служить положительными примѣрами для науки, изслѣдующей явленія нормального духа ..», а приведенные этюды, т.-е. душевныя разстройства, являются послѣдствіями именно развитія страха, послѣдствіемъ безсилія съ нимъ справиться. «Пбо причина этихъ случаевъ, по заявленію всѣхъ и самого г. Ш—а, именно есть *ожиданіе* опасности, т.-е. страхъ».

Въ основѣ возникшей полемики между г. Дмитревскимъ и мною повидному сокрыто недостаточное пониманіе другъ друга вслѣдствіе разсмотрѣнія вопросовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Поэтому я попытаюсь разъяснить возбудившіе споръ вопросы по областямъ изслѣдованія.

Уже первое ⁴⁾ выступленіе г. Дмитревскаго и съ первыхъ же словъ показываетъ, что онъ несогласенъ потому, что «они противоположны выводамъ психологій и могутъ зародить опасное направленіе въ воспитаніи бойца». Этой же точки зрѣнія онъ придерживается и въ послѣдней статьѣ. Слѣдовательно, г. Дмитревскій посмотрѣлъ на вопросъ съ двухъ точекъ зрѣнія—съ точки зрѣнія военной психологій, какъ науки, и съ точки зрѣнія практической дисциплины—военной педагогій. Приведенныя науки—военную психологію и военную педагогію—я строго разграничиваю, какъ двѣ совершенно обособленныя области.

⁴⁾ «Военный Сборникъ» 1912 г., № 11.

Хотя правильно поставленное военное воспитаніе немислимо безъ знанія военной психологіи, но сама военная психологія, какъ наука, не соприкасается съ воспитаніемъ, она самостоятельная отрасль знанія: для безпристрастнаго научнаго изслѣдованія она должна быть вѣдъ давленій личныя взглядовъ и практическихъ дисциплинъ (воспитанія, тактики и др.), вродѣ того пугала, что будто бы *научное изслѣдованіе «зародитъ... прямо-таки опасное направленіе въ воспитаніи бойца и армій»*. Только свободное, безпристрастное изученіе военной психологіи дастъ ей крѣпкое обоснованіе, какъ науки, и болѣе пышный расцвѣтъ, чѣмъ въ настоящее время.

Въ статьѣ, возбуждившей недоразумѣнія, мною и разбирались вопросы только военной психологіи; правда, въ популярной формѣ изложенія, допускающей нѣкоторую свободу формулировки научныхъ понятій. Я не касался цѣлей воспитанія не потому, что онѣ ниже и не заслуживаютъ быть разсмотрѣнными, нѣтъ, а потому, чтобы не впутывать въ разсмотрѣніе научныхъ вопросовъ точекъ зрѣнія современныхъ практическихъ дисциплинъ, которыя съ развитіемъ военной психологіи, какъ науки, сами по себѣ измѣнятся и будутъ разсматриваться подѣ другимъ угломъ зрѣнія, ибо эти науки сами базируются на психологіи.

Нѣсколько словъ о военной психологіи. Хотя я глубоко убѣжденъ, что въ общихъ чертахъ пониманія военной психологіи мы сходимся съ г. Дмитревскимъ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь могутъ быть нѣкоторыя несогласованности взглядовъ на вопросы, какія обычно бываютъ у всѣхъ изслѣдователей науки, работающихъ въ одной и той же области знаній. И эта несогласованность не есть что-то нежелательное; наоборотъ, несогласованность обоснованная фактами и научно, а не потому только, что вотъ де мнѣ не нравится ⁵⁾, весьма желательна въ цѣляхъ развитія самой науки.

Вопросомъ взаимнаго недоразумѣнія является вопросъ *общей психологіи*—вопросъ о страхѣ. Есть лица, какъ напр. А. Резановъ, которыя доказываютъ, что общей военной психологіи нѣтъ, ибо она во всемъ сходна съ общей психологіей (*мирно-обывательской*), а признаютъ военной психологіей лишь психологію арміи въ массѣ.

Мы держимся направленія почти что обратнаго и думаемъ, что чего нѣтъ въ психикѣ индивидуума, того нѣтъ и не получится при соединеніи всѣхъ этихъ индивидуумовъ въ массу. Законъ матема-

⁵⁾ Образчикъ чего можно видѣть у г. А. Резанова: «Психологическія ереси». Офиц. Ж. №№ 48—50. 1912 г.

тики и здѣсь остается въ силѣ: изъ ничего что-то не бываетъ. А если, дѣйствительно, наблюдается въ массахъ что-то особенное, что остановило вниманіе и г. Резанова, то слѣдуетъ отсюда лишь одно, что это особенное, наблюдающееся въ ясной формѣ только въ толпѣ, непременно наблюдается и въ индивидуумѣ, но только нужно умѣть найти и наблюдать. И если угодно отстаивать военную психологію, то отстаивать ее надо всю, а не увѣрять въ томъ, что дерево можетъ быть безъ корней, ибо ихъ не видно.

Останавливаясь на мнѣніи подобныхъ лицъ, я хотѣлъ лишь указать, что общая психологія, извѣстная въ трудахъ многихъ ученыхъ, не достигла еще своей окончательной разработки; она еще наука сама по себѣ несовершенная и главнымъ образомъ малоразработанная въ вопросахъ чувствъ и дѣйствій, особенно въ сферѣ военныхъ дѣйствій.

Военная психологія, какъ наука, изучая психику людей въ военное время, можетъ внести въ общую психологію много новаго, чего нѣтъ въ извѣстной намъ общей психологіи (мирно-обывательской). Проявленія личностей въ различной обстановкѣ различны.

Боевая обстановка рѣзко разнится отъ мирно-обывательской и слѣдовательно общая *военная* психологія отличается отъ общей мирно-обывательской. Сказанное мною не говоритъ о томъ, что военная психологія есть что-то сверхъ особенное. Нѣтъ. Человѣкъ и дома и на войнѣ есть тотъ же человѣкъ. Но проявленія его различны; онъ не будетъ вести себя дома въ семьѣ, какъ на войнѣ, а на войнѣ, какъ у себя дома. Онъ будетъ вести себя сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, приспособляясь къ нимъ. Въ мирное время дремлютъ, или вѣрнѣе не проявляются, въ виду отсутствія военныхъ обстоятельствъ, особенности *военно-психологическія*, на войнѣ же онъ проявляются.

Психологія чувствующій (Рибо, Сикорскій и др.) казалась хорошо разработанной областью, а между тѣмъ въ этой области мнѣ приходится не согласиться съ данными современныхъ психологовъ.

Въ «Воен. Сбор.» 1913 года напечатаны статьи: «Душевное состояніе воиновъ въ періодъ ожиданія боя», написанныя какъ сводка наблюденій по методу, описанному въ «Психикѣ бойцовъ во время сраженій». Вып. I. д-ра Шумкова.

Что за состояніе у воиновъ въ періодъ ожиданія боя? Страхъ или не страхъ? Бойцы сами характеризуютъ его, какъ *«тревожное»* или *«тревожно-томительное ожиданіе»*. А такъ какъ предположительно (по мирно-обывательскому) ожидается надвигающаяся опасность, бѣда, боль, то, по опредѣленію проф. Сикорскаго, это—

«страхъ». «Тревожно-томительное ожиданіе» — вотъ это то и есть «страхъ», говоритъ г. Дмитревскій.

Между тѣмъ, согласно научнымъ изысканіямъ по военной психологіи, это будетъ *не страхъ*, а смѣшанное душевное состояніе, доминирующей эмоціей котораго является *чувство тревоги*, характеризующееся особыми признаками, отличающими его отъ другихъ эмоцій и отъ эмоціи страха.

Хотя въ современной психологіи о чувствѣ тревоги даже не пишутъ, а если упоминаютъ, то только вскользь, и относятъ «тревогу» къ одному изъ видовъ эмоціи страха (Сикорскій), но мы въ военной психологіи чувству тревоги, какъ доминирующему, должны отвести подобающее мѣсто. И это уже есть первое научное приоб- рѣтеніе *военной* (общей) психологіи.

Итакъ, если г. Дмитревскому угодно будетъ принять нашъ взглядъ на «тревожно-томительное ожиданіе», какъ не на страхъ, а на смѣшанное душевное состояніе съ преобладаніемъ чувства тревоги, то большая часть возраженій, почти всѣ, будетъ устранена.

Особенно вреднымъ и разстраивающимъ душевное состояніе бойцовъ на войнѣ является не столько страхъ, сколько *чувство тревоги*; то «тревожно-томительное ожиданіе», которое изводитъ бойцовъ, есть не страхъ, а чувство тревоги.

И если говорить о военномъ воспитаніи, въ смыслѣ сдерживанія и управленія собой въ томъ, что въ настоящее время принято понимать подъ страхомъ, то если нужно научиться подавлять страхъ, то еще въ большей мѣрѣ надо научиться подавлять чувство тревоги. Мѣры же борьбы съ ними не всегда совпадаютъ и для успѣшности борьбы съ ними всегда нужно опредѣлить: гдѣ страхъ? гдѣ тревога?

Отдѣляя чувство тревоги, какъ самостоятельное, мы ограничиваемъ пониманіе эмоціи страха; но и въ этихъ предѣлахъ чувство страха по психологіи расплывчато и неопредѣленно.

Данныя, полученныя на войнѣ, и въ вопросѣ о страхѣ, собственно, проливаютъ нѣсколько иной свѣтъ на пониманіе страха, но я пока воздерживаюсь отъ послѣднихъ обобщеній, надѣясь въ будущемъ освѣтить вопросъ болѣе подробно въ отдѣльныхъ статьяхъ.

Еще нѣсколько словъ о наличности и отсутствіи страха у воиновъ.

Когда г. Дмитревскій говоритъ ⁶⁾, что достиженіе такого идеала, т.-е. *потери страха* въ бойцахъ, вещь невозможная; что при по-

⁶⁾ «Военный Сборникъ» № 11, 1912 г.

мощи силы воли можно обуздать страхъ, и что самое важное и необходимое при воспитаніи—это научиться *не показывать наружу* страха, «и чѣмъ *выше интеллектъ*, тѣмъ [меньше суевѣрныхъ страховъ, да и всякихъ]» ⁷⁾—я вполне соглашаюсь.

Нормальный, выдержанный человекъ (и воинъ долженъ быть также выдержанный) не потерялъ чувствъ: страха, тревоги, гнѣва и др.; онъ ихъ имѣетъ, но онъ ими управляетъ, обладаетъ и подчиняетъ ихъ себѣ (воинская добродѣтель—*самообладаніе*); но все же ихъ имѣетъ, при случаѣ можетъ ихъ проявить и, слѣдовательно, полной *потери* этихъ чувствъ нѣтъ.

Нельзя согласиться также и съ тѣмъ утвержденіемъ, что «*мученики и подвижники буквально теряли всякій страхъ смерти и мученій*». Изъ церковной исторіи извѣстно, что не всѣ христіане спокойно шли на сожженіе или съѣденіе звѣрями: многіе измѣняли; а тѣ, которые, не измѣняя, шли, шли съ выраженіемъ у нѣкоторыхъ сильнаго страха, у нѣкоторыхъ доходившаго даже до обморока (отъ страха—картина въ музеѣ Александра III). Та часть мучениковъ, которая шла, повидимому, спокойно, не показываетъ еще, что она потеряла страхъ. Глубокая *тѣра* въ правоту подвига, помогая самообладанію, побѣждаетъ (или «заглушаетъ») страхъ, но не убиваетъ его. Полной *потери* страха у нормального человека не бываетъ. И гдѣ отмѣчается полная *потеря* страха—тамъ патологія.

Если угодно понимать желательный идеаль — «воинъ безъ страха» въ смыслѣ развитія самообладанія (надъ чувствами) и привитія живой вѣры въ свое дѣло, то я вполне съ этимъ соглашаюсь и думаю, что подобный идеаль и желателенъ и, при правильной постановкѣ военной педагогіи, достижимъ.

Заканчивая статью, считаю долгомъ повторить избитую, но необходимую истину. Военное воспитаніе необходимо; сомнѣній въ этомъ нѣтъ. Но, чтобы воспитаніе было, дѣйствительно, воспитаніемъ, а не напрасной потерей времени, безъ тѣхъ результатовъ, которые ожидаются отъ воспитанія, необходимо поставить воспитаніе на основахъ познанія психики человека-воина. Для военнаго воспитанія необходимо знаніе хотя бы основъ военной психологіи.

Считаю своимъ удѣломъ по мѣрѣ силъ способствовать научному росту военной психологіи, какъ науки; пою льщу себя надеждой, что разработкой военной психологіи служу изученію «живой силы» арміи.

Ш—ъ.

7) Военный Сборникъ. № 6, 1913 г.